

АИДА ФЕЙЗУЛЛАЕВА

МИРОВАЯ СКОРЬБЬ ЧЕХОВА

Литературная деятельность А.П.Чехова (1860-1904) – единое целое, проникнутое одним общим мировоззрением, требует глубокого изучения художественно-философского мышления писателя-новатора, создателя нового вида литературы – маленького рассказа, нового по содержанию и форме.

Ранняя художественная зрелость далась писателю ценою упорного труда, что, возможно, и предопределило новизну его творчества. Чеховские герои всегда раскрываются в самом действии, в поступках, мыслях и чувствах, непосредственно связанных с действием. Особенности стиля и художественного мастерства Чехова замечательно проявляются и в его пейзаже. Чеховские пейзажи отличаются глубиной лирического подводного течения, в особенности в его пьесах. Любая роль в спектакле, даже состоящая всего из нескольких слов, должна являться полноценным художественным образом со своим «подводным течением».

– Какие красивые деревья, и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь! («Три сестры»).

В его рассказах появляется всё больше богатство жизненных красок, в них уже чувствуется глубокая трагическая тема.

«Почтеннейшая публика, читая «Дочь Альбиона», – писал Горький, – смеётся и едва ли видит в этом рассказе гнуснейшее издевательство сытого барина над человеком одиноким, всему и всем чужим. И в каждом из юмористических рассказов Антона Павловича я слышу тихий, глубокий вздох чистого, искренне человеческого сердца... Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыденности».

В маленьких рассказах Чехова преобладает диалог, как средство характеристики его персонажей.

Рассказ «Злоумышленник», который Л.Н.Толстой отнёс к лучшим рассказам Чехова, построен на уникальном диалоге судебного следователя и маленького, тощего мужичонка Дениса Григорьева, не понявшего до конца, за что его судят и приговаривают к тюремному заключению. Как пишет М.Горький, «Толстой любил Антона Павловича и как человека, милой любовью отца, любил его и как литератора, часто сравнивая с Мопассаном, восхищаясь изящной правдою приёмов его письма и ставя в пример молодым литераторам такие превосходные и глубокие вещи Чехова, каковы: «Тиф», «Душечка», «Припадок», «Злоумышленник», «Дуэль» и ещё многие другие (в общей сложности 30 рассказов)».

Прообразом Дениса Григорьева – яркого и непревзойдённого чеховского персонажа с индивидуальным мужицким говором, послужил крестьянин Никита Пантюхин из подмосковной деревни Красково, которому А.П. старался объяснить, что отвинчивать гайки на рельсах нельзя, что от этого может произойти крушение, но Никите это было совершенно непонятно. В него вошли подлинные выражения Никиты, занесённые Чеховым в свою знаменитую записную книжку.

Глубокие и основные проблемы человеческой жизни и духа, господствующие в русской литературе в творениях двух титанов Толстого и Достоевского, не могли не отразиться на мировоззрении Чехова, явившегося достойным выразителем их лучших традиций. Много роднит его с обоими её корифеями, и после них он является

писателем наибольшего философского значения. Чехов как бы замыкает своим творчеством могучий треугольник художественно-философских жизнеутверждающих идей общечеловеческой значимости.

Общечеловеческий философский вопрос, дающий главное содержание творчеству Чехова, есть вопрос о нравственной слабости, бессилии добра в душе среднего человека, в результате чего он сваливается без борьбы, душевная лень и едкая пошлость затмевают и искореняют лучшие порывы и заветные мечты, и тогда идеальные стремления не поднимают, а только заставляют бессильно страдать человека и создают этих хмурых, нудных людей, Ивановых, Астровых, Тузенбахов, Ионычей, Лаевских...

В «Рассказе неизвестного человека» герой-рассказчик, размышляя над трагической участью своего поколения, пишет:

«Отчего мы утомились? Отчего мы, вначале такие страстные, смелые, благородные, верующие, к 30-35 годам становимся уже полными банкротами? Отчего один гаснет в чахотке, другой пускает пулю в лоб, третий ищет забвения в водке, картах, четвёртый, чтобы заглушить страх и тоску, цинически топчет ногами портрет своей чистой, прекрасной молодости? Отчего мы, упавши раз, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, не ищем другого? Отчего?»

«Что, если бы чудом настоящее оказалось сном, страшным кошмаром, и мы проснулись бы обновленные, чистые, сильные, гордые своею правдой?..»

«Что в моём прошлом не порок?» – задаётся риторическим вопросом Лаевский накануне дуэли в своём внутреннем монологе-покаянии, «стараясь уцепиться за какое-нибудь светлое воспоминание, как падающий в пропасть цепляется за кусты» и его пронизывает невидимое, призрачное очищение души: *«Если бы можно было вернуть прошлые дни и годы, он ложь в них заменил бы правдой, праздность – трудом, скуку – радостью, он вернул бы чистоту тем, у кого взял её, нашёл бы бога и справедливость...»* («Дуэль»).

И в примечательном финале рассказа после перемирия противников на дуэли Лаевский, с тоскою глядя на беспокойное тёмное море, думает о том, что *«лодку бросает назад, делает она два шага вперёд и шаг назад, но гребцы упрямы, машут неутомимо вёслами и не боятся высоких волн.*

Лодка идёт всё вперёд, вот уж её и не видно, а пройдёт с полчаса, и гребцы ясно увидят пароходные огни, а через час будут уже у пароходного трапа. Так и в жизни... В поисках за правдой люди делают два шага вперёд, шаг назад, но жажда правды и упрямая воля гонят вперёд и вперёд. И кто знает? Быть может, доплывут до настоящей правды...».

Духовный мир людей, охваченных поисками правды жизни и переживающих муки этого искания, прослеживаются во многих произведениях Чехова, среди которых определённого внимания заслуживает рассказ «Скучная история» (Из записок старого человека), в котором раскрываются душевная драма, история религиозного банкротства живой и благородной человеческой души знаменитого учёного с европейским именем, преданного науке до самозабвения, страстно верящего в её всемогущество и считающего её «высшим проявлением любви».

Однако этот благороднейший человек, с трогательной скромностью и просто-сердечием рассказывающий о своих слабостях и о не покидающем его страхе перед смертью, неожиданно для себя делает открытие, заключающееся в том, что во всех его мрачных мыслях, желании жить, в стремлении познать себя, в чувствах и понятиях нет чего-то общего, что связывало бы их в одно целое.

«Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует моё воображение, даже самый искусный аналитик не найдёт того, что называется общей идеей или богом живого человека».

В этих искренних признаниях старого человека скрыто характерное для Чехова подтекстовое прочтение, заключающееся в том, что нельзя ограничиваться путём, ведущим к смерти и впадать в пессимизм, а следует избрать светлый путь, ведущий к солнцу, и предаться благим мечтам, могущим не только отвлечь человека от мрачных мыслей, но и помочь ему в уяснении цели и смысла жизни.

Размышляя о русской интеллигенции, Чехов писал: «Я так понимаю, что вера есть способность духа. Она всё равно, что талант, с нею надо родиться» («На пути»).

«Призвание всего человечества, – говорит Чехов устами художника в «Доме с мезонином», – в духовной деятельности, в постоянном искании правды и смысла жизни... удовлетворить его могут только религия, науки, искусства... они ищут правды, смысла жизни, ищут Бога, душу».

Наряду с людьми, обессилевшими и потерявшими своего бога, Чехов изображает галерею «серых» людей, у которых в душе нет отчётливого сознания добра и зла, ставит проблему посредственности, умственной и нравственной ограниченности, духовного мещанства, омрачающих жизнь, делающих её скучной и постылой.

«Во всём уезде только два порядочных человека: ты да я, – говорит доктор Астров дяде Ване. – Но в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас; она своими гнилыми испарениями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, как «все».

«Зачем эта ваша жизнь, – говорит отцу-архитектору герой «Моей жизни», – которую вы считаете обязательной и для нас, – зачем она так скучна, так бездарна, зачем ни в одном из этих домов, которые вы строите вот уже тридцать лет, нет людей, у которых я мог поучиться, как жить, чтобы не быть виноватым? Во всём городе ни одного честного человека! Эти ваши дома – проклятые гнезда, в которых сквоят со света матерей, дочерей, мучают детей...

Город наш существует уже сотни лет, и за всё время он не дал родине ни одного полезного человека, ни одного! Вы душили в зародыше всё мало-мальски живое и яркое! Город лавочников, трактирщиков, канцеляристов, ханжей, ненужный, бесполезный город, о котором не пожалела бы ни одна душа, если бы он провалился сквозь землю!»

Своеобразна и неповторима художественная манера письма Чехова, не равнодушного и холодного созерцателя жизни, а мыслителя, сердце которого болит и любит, скорбит и страдает, переживает за нравственное убожество и бессилие, слабость человека. Поразительны деликатность, мягкость и снисходительность, с которой Чехов относится к своим действующим лицам. И хотя они конкретны и отражают в себе особенности данной исторической обстановки – русской жизни конца 80-х годов, однако выходят за рамки национальных типов и приобретают общечеловеческую значимость, а боль писателя за них возвышается до мировой скорби. Чехов ставит под сомнение «доброкачественность средней человеческой души», выдвигает философские идеи добротворчества, проявляет тонкое понимание религиозной психологии.

Реакционная и буржуазная критика, произвольно истолковывая смысл большинства произведений Чехова, обвиняла писателя в бесстрастности, в отсутствии мировоззрения, в пессимизме.

«Его упрекали в отсутствии мирозерцания. Нелепый упрек! У Чехова есть нечто большее, чем мирозерцание, – он овладел своим представлением жизни и таким образом стал выше её. Он освещает её скуку, её нелепости, её стремления, весь её хаос с высшей точки зрения. И хотя эта точка зрения неуловима, не поддаётся определению – быть может, потому, что высока, – но она всегда чувствовалась в его рассказах и всё ярче пробивается в них», – писал Горький.

Горький особенно подчеркнул оптимистический характер творчества Чехова: «Каждый новый рассказ Чехова всё усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас

ноту – ноту бодрости и любви к жизни... В новом рассказе (имеется в виду рассказ «В овраге» – **А. Ф.**), трагическом, мрачном до ужаса, эта нота звучит сильнее, чем раньше, и будит в душе радость и за нас, и за него, трубадура «хмурой» действительности».

Чехов мечтал о научно обоснованной, конкретной программе действий. И с горечью он сознавал, что не может в своём творчестве указать читателю ясные пути, ведущие к счастью, свободе, к новой жизни.

В эпоху «малых дел», отсутствия идеалов у интеллигенции Чехов искал то, к чему всегда стремились русские демократические писатели, – возможность подвига. Именно это стремление, желание быть полезным народу, родине побудили его поехать на Сахалин (1890), этот остров ужасов, место каторги и ссылки, где царское правительство сосредоточило все возможные виды человеческого унижения и страдания.

Поездка на Сахалин была стремлением писателя выйти из идейного кризиса, мучившего его на рубеже 80-90-х годов. Он много перестрадал на Сахалине, его долго преследовали кошмары воспоминаний о мучениях людей на острове.

Творческим итогом поездки на Сахалин стала книга о Сахалине и «Палата №6» – произведения, проникнутого новым для чеховского творчества мотивом прямого, открытого протеста против тирании, гнёта, произвола. Чехов ударил своим молотом не только по самодержавию, но и нанёс «Палатой №6» неотразимый удар и по всем видам и формам интеллигентского «прекраснодушия» и отказа от борьбы. Та правда, которую раскрыл автор «Палаты №6», была трагической для него самого, пока не видящего выхода из тюрьмы, однако уже понявшего, что насилию нужно противопоставить не вспышки отчаяния и бессильного протеста, а борьбу.

Предчувствие великого обновления жизни никогда не покидало Чехова. Независимый и свободолюбивый, он всегда придерживался активной жизненной позиции. Ещё будучи студентом-медиком, Чехов – великий труженик – стал сотрудничать в юмористических журналах, совмещал серьёзное учение с повседневной работой в журналах. И в дальнейшем он работал с большим усердием, не покладая рук.

В начале 1892 года Антон Павлович купил имение Мелихово недалеко от Москвы, в Серпуховском уезде.

Мелихово было мелкопоместной усадьбой, запущенной прежними владельцами. Семья Чеховых – люди, привыкшие к упорному труду, быстро привели усадьбу в порядок и даже придали ей нарядный вид. Низенький деревянный дом с верандой и цветником в глубине старинной рощи, миниатюрное поэтическое озеро, на высоких деревьях по дороге к дому – скворечники с надписью: «Братья Скворцовы», безупречная чистота повсюду. От всего стиля жизни Чеховых в Мелихове веяло изяществом, чистотой, трудом.

Антон Павлович работал с раннего утра до позднего вечера. Много времени отнимали у него и крестьянские дела. С самого утра стекались к дому Чеховых крестьяне за врачебной помощью. Чехов жил всею жизнью деревни. Он вёл большую общественную работу как гласный земства, был попечителем сельского училища, строителем школ на свои скромные средства, организатором и участником борьбы с холерой. Был избран в земские гласные.

Михаил Павлович (брат писателя) рассказывает, что Чехов «охотно посещал земские собрания и участвовал в рассмотрении многих земских вопросов. Но наибольшее внимание его обращали на себя народное здравоохранение и народное просвещение... Он живо интересовался тем, какие намечены к постройке новые дороги, какие предложено открыть новые больницы и школы. Сам составил для них планы, сам покупал материал и сам следил за их постройкой. Эти школы были его детищем. Когда он говорил о них, то глаза его зажигались, и видно было, что если бы ему позволили средства, то он выстроил бы их не три, а множество».

В художественном отношении Мелихово дало Чехову очень много, обогатив его новым знанием жизни. В середине 90-х годов Чехов достигает вершин художественного мастерства в области драматургии.

Итогом его многолетних размышлений о сущности мастерства художника явилась пьеса «Чайка», где ставится тема искусства и подвига.

Героиня пьесы Нина Заречная – талантливая молодая девушка, мечтает стать знаменитой актрисой. Искусство кажется ей лучезарным путём к славе.

Однако ценою тяжёлых жертв и препятствий на своём жизненном пути она приходит к той истине, что *«в нашем деле – всё равно, играем мы на сцене или пишем, – главное не слава, не блеск, не то, о чём я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своём призвании, то не боюсь жизни»*.

На протяжении всей пьесы прослеживается весь скорбный и всё же радостный путь побеждающего художника. Так, сквозь весь мрак жизни, преодолённый героиней, мы различаем лейтмотив «Чайки» – тему полёта, тему победы.

Этот свет победы Нины и поразил Треплёва. Он осознаёт своё бессилие и бессмысленность жизни. Он ничего не может сделать со своим талантом, потому что нет у него ни цели, ни веры, ни знания, ни смелости, ни сил. Главная беда Треплёва в том, что у него нет высоких целей, которые могли бы вдохновить его талант. Нет идейной цели, ясного мировоззрения и у Тригорина. В отношениях, сложившихся у Треплёва и Тригорина с Ниной Заречной, проявляются их характеры, их человеческая и творческая ценность, их слабости. Страдания Тригорина – опытного мастера более глубоки, чем страдания Треплёва, он ищет новые художественные формы, но не думает о великих целях, без которых и поиски новых форм являются бесплодными.

Чеховские пьесы наполнены внутренним действием, внутренним драматизмом. Чехов умеет дать ясный, художественно обобщённый образ той социальной действительности, в которой живут герои его пьес.

Это глубокое внутреннее действие пьес Чехова тогдашний театр не мог ещё почувствовать и передать.

«Катастрофически отозвался на здоровье Антона Павловича провал «Чайки». В 1896 году пьеса была поставлена на сцене петербургского Александринского театра. С этого момента его болезнь значительно обострилась, – свидетельствует М.П.Чехов. – На весь оставшийся ему срок жизни он переходит на положение тяжело больного. И весь последний период его жизни – все восемь лет – окрашен трагическим противоречием между душевным и физическим самочувствием Антона Павловича: всё больше сказывался подъём в его идейном, общественном, художественном самосознании, в его чувстве жизни, в его творчестве, и всё быстрее шёл роковой ход болезни. Врачи предписали ему изменить образ жизни, отказаться от напряжённой работы, поехать на Ривьеру, в Ниццу. Здесь, на юге Франции, он прожил с осени 1897 года до весны 1898 года».

Желание Чехова работать для сцены не покидало его и сильно способствовало настроению подъёма, которое всё глубже охватывало писателя.

Вскоре состоялась близость Чехова с новым театром, начавшаяся с того, что театр решил реабилитировать провалившуюся «Чайку».

В сентябре 1898 года, на репетиции «Чайки», Чехов познакомился со своей будущей женой, талантливой актрисой Художественного театра О.Л. Книппер.

Чехову предстояло покинуть Москву и Мелихово. Врачи решительно требовали переселения Антона Павловича на юг, в Крым.

Большой радостью для него был приезд в Крым Художественного театра с целым репертуаром пьес для гастролей в Севастополе и Ялте.

Чувство близости коренной перемены всей жизни, всё глубже овладевавшее Чеховым в конце 90-х годов, заметно прослеживается в пьесе «Три сестры».

«Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идёт, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку... через какие-нибудь двадцать пять – тридцать лет работать будет уже каждый человек. Каждый!»

Так устами барона Тузенбаха Чехов высказывает свои радостные ощущения приближающейся новой жизни.

Чем сильнее звучал в его творчестве мотив близкой бури, тем более сурово Чехов иронизировал над слабостями тех своих героев, которые красиво мечтают о том, что жизнь будет лучше через двести лет, но не умеют бороться за то, «чтоб это лучше наступило завтра», как говорил Чехов в беседе с Горьким.

И художник уже чувствует своё историческое право раскрыть и смешное в драмах. Ведь «человечество смеясь прощается со своим прошлым», с отжившими формами жизни. Ему видны нелепость, обреченность, историческая исчерпанность старой жизни.

Чехов вместе с тем чувствует и обиду за своих героев, которые только говорят и о близости бури, и о счастливой, прекрасной жизни, но не знают путей борьбы, путей к будущему. Он зовёт их искать эти пути, но всё же высмеивает их слабость.

Герои «Трёх сестёр» много и красиво мечтают о будущей жизни. Прекрасно говорит о ней Вершинин. Но как противоречат широкому размаху его мечты его бездействие, весь облик его жизни, стиснутой в кругу мелочных несчастий! От него веет беспомощностью, в нём есть черты чудака.

Смешное, печально-комическое в этой пьесе и берёт свои истоки в этом противоречии между силой и размахом мечты и слабостью мечтателей. Обилие мечтательных разговоров о будущем при отсутствии реальной борьбы за него начинает походить на пустую маниловщину.

Накануне великой бури с особенной остротой чувствуются оторванность Вершининых от реальной борьбы за будущее, трагический комизм их положения.

Комическое начало в пьесе переплетается с грустью, с грустной судьбой её героев.

И в пьесе «Три сестры» с драматической темой Чехов скорбит о том, что его герои не способны к борьбе со злом жизни. И всё же в ней звучит сильный мотив веры в то, что жизнь изменится к лучшему.

Смело переплетаются в двух его последних пьесах «Три сестры» и «Вишнёвый сад» с драматическими мотивами комедийные.

Обе пьесы «Три сестры» и «Вишнёвый сад» отличаются новаторским сочетанием драматического и лирического с комическим, причём с характерным для чеховских пьес «подводным течением».

В произведениях Чехова, как в рассказах, так и в пьесах, наряду с лирическим, драматическим, трагическим началом очень часто живёт и сатирическое, комическое начало, – только оно уходит в глубину, в их «подводное течение».

Прощание новой, молодой жизни с прошлым, обречённым на скорый конец, устремление к завтрашнему дню – в этом и заключается содержание «Вишнёвого сада». Настолько назрел конец старой жизни, что она представляется уже водевильно – нелепой, призрачной и нереальной. Призрачны и отжившие сатирические типы этой уходящей жизни.

Таковы главные герои – Раневская и её брат Гаев – хозяйка имения, красота которого заключена в поэтическом вишнёвом саду. Хозяйка довела имение своим легкомыслием, полнейшим непониманием реальных условий до жалкого состояния, предстоит продажа имения с торгов. Купец Лопухин – друг семьи, сам покупает имение. Лопухин, как характеризует его студент Трофимов, – это «хищный зверь, который съедает всё, что попадает ему на пути». Так «съедает» он и красоту вишнёвого сада, помогает «пожиранию» того, что уже отжило.

Законная наследница отжившей поэзии «дворянских гнёзд», юная Аня, дочь Раневской, весело прощается со всей этой устаревшей, потерявшей живое содержание, мёртвой красотой.

Придут люди, которые будут достойны всей красоты родной земли. Они очистят, искупят всё её прошлое и превратят всю родину в волшебный сад. И Аня будет вместе с этими людьми. Таково поэтическое восприятие и грустного, и самого светлого, оптимистического произведения Чехова.

Чехов хотел, чтобы спектакль Художественного театра прозвучал в том бодром тоне, в каком он написал пьесу. Он хотел, чтобы зритель чувствовал не только эпическую грусть, не только лиризм прощания, но и грустный комизм призрачного мира Гаевых и Раневских.

Вся пьеса проникнута настроением светлого прощания с уходящей жизнью, со всем плохим и хорошим, что было в ней, настроением радостного приветия новому, молодому. Это настроение окрашивает и рассказ «Невеста», написанный в том же 1903 году, что и «Вишнёвый сад». После опубликования рассказа многие критики сошлись во мнении, что «Невеста» – поворот в творчестве писателя в сторону более бодрого оптимистического восприятия действительности. «...Прямое указание на существование у него высокого идеала, которым он мерил окружающую жизнь и перед которым эта жизнь представляется слишком уж мелкой и пошлой». Критика приветствовала героиню рассказа, порвавшую с миром пошлости и мещанства. «Бегство Нади при тех условиях, в которых устроил его Чехов, почти накануне свадьбы, бесспорно является своего рода личным подвигом».

Героини Чехова уже ищут смысла жизни, проявляют волю, стремятся наметить и определить себе цель в жизни. *«О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть весёлым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет... и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь ещё неясная, полная тайн, увлекала и манила её»*, – этим жизнерадостным мотивом завершается рассказ «Надя». И всё это то, чего не хватало прежним чеховским героям: духовного полёта и пафоса жизни.

Герои позднейших произведений Чехова говорят и действуют смелее и уверенней, и мыслят шире.

«Человечество идёт вперёд, совершенствуя свои силы, – говорит студент Трофимов в последней пьесе. – Всё, что недостижимо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину».

«Человеку нужно, – говорится в рассказе «Крыжовник», – не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Так мировая скорбь Чехова, которой проникнуто многогранное, мощное и богатое по духу и содержанию новаторское творчество великого художника слова и мыслителя, и чеховский девиз «Призвание всего человечества в духовной деятельности человека» предвосхищают исторический прогресс человечества.